

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

---

*Незабвенной памяти
Антон Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

Незабвенное...

А. Л. Вишневаго.

Незабвенное воспоминание осталось у меня отъ лѣта 1902 года, которое я провелъ вмѣстѣ съ Антономъ Павловичемъ и его женой (О. Л. Книпперъ) въ Любимовкѣ, на дачѣ К. С. Станиславскаго по Ярославской дорогѣ, въ трехъ верстахъ отъ полустанка Тарасовки.

Надъ всей жизнью въ Любимовкѣ царилъ своеобразный юморъ Антона Павловича, доставлявшій всѣмъ окружающимъ большую радость и вносившій разнообразіе въ скромную и тихую жизнь дачниковъ. Было много приключеній и такихъ сценъ, которыя достойны, какъ говорить Вафля въ «Дядѣ Ванѣ», кисти Айвазовскаго.

Уже самый прїѣздъ въ Любимовку не обошелся безъ маленькаго приключенія. Уѣзжая изъ Москвы, мы прїѣхали на вокзалъ къ первому звонку. Я помогъ, тогда еще больной, Ольгѣ Леонардовнѣ устроиться въ вагонѣ, распредѣлить нашъ багажъ. Антонъ Павловичъ куда-то исчезъ, и мы начинали уже волноваться. Былъ второй звонокъ, а его все нѣтъ. Наконецъ, я лечу его искать и вдругъ вижу—бѣжитъ Антонъ Павловичъ. У него радостное лицо, и въ рукахъ двѣ бутылки пива. Долженъ оговориться, что не только самое пиво, но даже разговоры о немъ доставляли тогда Антону Павловичу большое удовольствіе; но угодить ему съ пивомъ было чрезвычайно трудно. Какое пиво, какого завода ему хочется, — невозможно было узнать. Когда я увидѣлъ его на вокзалѣ, бѣгущимъ съ пивомъ, онъ вслухъ на весь перронъ прокричалъ мнѣ: «послушайте, наконецъ, я нашелъ давно желанное пиво». Мы усѣлись въ вагонъ и поѣхали. «Мы будемъ пить чудесное пиво», — повторялъ всю дорогу А. П.

Знакомые А. П., О. Л. и мои такъ насъ «заговорили» и засуетили, что когда мы подъѣхали къ Тарасовкѣ, гдѣ поѣздъ стоитъ двѣ минуты, мы еле успѣли выкинуть нашъ багажъ, и поѣздъ укатилъ далѣе. Каково же было удивленіе А. П., когда я спросилъ его: «А гдѣ же Ваше пиво?» Оказалось, онъ его забылъ въ вагонѣ. Онъ былъ такъ огорченъ, что я до сихъ поръ не могу забыть выраженія его лица. Потомъ онъ долго смѣялся. Я утѣшилъ его, обѣщая, что завтра поѣду въ Москву и привезу ему такое же пиво. Дѣйствительно, я ѣздилъ каждый день рано утромъ въ Москву (тогда строился нашъ театр) и всякій разъ, когда я привозилъ ему пиво, онъ говорилъ, «что это все не то». Я привозилъ ему на пробу пиво всѣхъ заводовъ. Накъ жецъ, однажды ему понравилось какое-то—и онъ

просилъ привезти ему дюжину бутылокъ. На другой же день за обѣдомъ онъ находилъ, что это пиво уже «не то», и на всѣ мои убѣдительные доводы отвѣчалъ: «Егору (лакей Станиславскаго) скучно жить, и онъ переливаетъ пиво изъ одной бутылки въ другую и портитъ его».

Долженъ сказать, что К. С. Станиславскій, уѣзжая съ семьей за-границу, предоставилъ намъ свою дачу со всѣми удобствами и прислугой, до Егора включительно. Этотъ Егоръ служилъ у К. С. очень давно, и вотъ Антонъ Павловичъ все чаще и чаще сталъ убѣждать Егора, что служить лакеемъ «оскорбительно для человѣка» и совѣтовалъ ему оставить службу, выучиться счетоводству и поступить куда-нибудь конторщикомъ. Каково же было удивленіе К. С., когда, по возвращеніи изъ-за границы, Егоръ заявилъ ему, что онъ учится счетоводству и больше у него не желаетъ служить.

Узнавъ это, Антонъ Павловичъ катался по полу отъ смѣха; онъ былъ очень доволенъ. И, дѣйствительно, Егоръ впоследствии отлично устроился.

Какъ извѣстно, Антонъ Павловичъ любилъ ловить рыбу. Недалеко отъ нашего дома протекала рѣчка Клязьма. Антонъ Павловичъ просиживалъ тамъ съ удочкой цѣлыми днями, даже во время обѣда онъ прибѣгалъ посмотреть не клюнуло ли что-нибудь на удочку. Молодежь, которая жила въ Любимовкѣ (племянники К. С.) подмѣтили страсть А. П. и однажды, желая надъ нимъ подшутить, воспользовались его отсутствіемъ и на дѣли на одну изъ оставленныхъ имъ удочекъ старый башмакъ. Антонъ Павловичъ во время обѣда пришелъ посмотреть, не клюнула ли рыба, и, замѣтивъ, что поплавокъ одной изъ удочекъ скрылся подъ водой, былъ увѣренъ, что попалась довольно крупная добыча; каково же былъ его разочарованіе, когда онъ вытащилъ башмакъ!... Онъ кашлянулъ, сконфузился, вздохнулъ и послѣ большой

паузы сказалъ: «Бѣдные мальчишки, они здѣсь очень скучаютъ».

Однажды, сидя на берегу рѣчки, А. П. громко разсмѣялся. Я, не зная въ чемъ дѣло, такъ заразился его смѣхомъ, что долго продолжалъ ему вторить. Сквозъ смѣхъ онъ сказалъ «Не нужно играть Артему въ Ибсеновскихъ пьесахъ» Онъ видѣлъ въ Художественномъ театрѣ пьесу Ибсена: «Дикая утка». Въ ней Артемъ выходилъ на сцену съ выпотроженнымъ кроликомъ въ рукахъ. Это вспомнилось А. П. и очень его разсмѣшило. Въ другой разъ онъ сказалъ мнѣ: «Какъ бы теперь хотѣлъ жить въ Лондонѣ, вѣдь тамъ можно выйти на улицу, проповѣдывать новую вѣру, и никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ».

А. П. Чеховъ съ М. Горькимъ въ Ялтѣ (1899 г.).

* * *
 Ежедневно из Москвы А. П. привозили корреспонденцию и газеты. Он получал почти все провинциальные газеты и говорил, что это доставляет ему большое удовольствие, так как из них он узнает много интересного, особенно происшествий. «Недавно, рассказывал он, я про Таганрогском Вѣстникѣ, какъ какой-то узникъ сидѣлъ вѣ в тюрьмѣ и, наконецъ, ему объявили передъ вѣ-перекличкой, что онъ помилованъ».
 то А. П. излагалъ мнѣ свои предположенія о томъ, заключенный испытывалъ въ ту минуту, когда ему объя-ли свободу и что могло происходить съ его женой и родными, когда онъ вернулся къ нимъ. Вообще о свободѣ человѣческой личности и о тюрьмахъ А. П. любилъ говорить много.

* * *
 О прѣздѣ А. П. въ Любимовку вскорѣ узнали все близкіе и дальніе сосѣди. Началось паломничество; особенно одо-львали дамы, которыя спрашивали А. П., что онъ больше всего любить. Онъ отвѣчалъ: «мороженое», котораго онъ, между прочимъ, никогда и не ѣлъ. Ему присылали со всеѣхъ концовъ мороженое, въ особенности въ воскресные и празд-ничные дни, а онъ хохоталъ надъ своими шутками.

Нѣкоторое время повалился ѣздить къ нему какой-то господинъ изъ Москвы. Я все спрашивалъ А. П., кто онъ и что ему нужно, онъ долго не называлъ его фамиліи, но однажды, узнавъ, что я ѣзжаю въ Москву, онъ далъ мнѣ три рубля, прося перевести по почтѣ этому господину, причемъ расска-залъ, что субъектъ этотъ бывалъ у него еще въ Москвѣ, а те-перь надобѣаетъ здѣсь, требуя, чтобы А. П. далъ ему *триста тысячъ рублей на покупку* какой-то земли, чтобы сдѣлать какое-то «заселеніе народа». Я перевелъ ему эти три рубля и этимъ «заселеніе» окончилось.

* * *
 Какъ-то при отѣздѣ моемъ въ Москву, А. П. просилъ меня взять его съ собою: «Мы позавтракаемъ въ «Альпены-Роза», выпьемъ чудснаго Мюнхенскаго пива и вернемся въ Любимовку». Съ большими мытарствами мы добрались до Москвы: на станцію Тараховку прѣхали въ тотъ моментъ, когда поѣздъ подходилъ къ перрону; билета Антонъ Павло-вичъ не успѣлъ взять; контроль оштрафовалъ его вдвойнѣ, считая прѣздъ отъ главной станціи—Пушкино, какъ без-платнаго пассажира-зайца. Затѣмъ, въ вагонѣ, онъ претер-пѣлъ большія непріятности отъ нѣмцевъ, которые подкуривали си гарами. (Деликатность А. П. была такъ велика, что на мой прѣспъ: почему онъ не переходитъ въ другой вагонъ, онъ от-

вѣтилъ: «слово, въѣдъ это можетъ ихъ обидѣть»). Въ Москвѣ нась встрѣтилъ проливной дождь. На дверяхъ «Альпены Роза» висѣлъ ярлыкъ: «по случаю ремонта кухни рестораиъ закрытъ». Огорченный вернулся А. П. въ Любимовку. На другой день рано утромъ А. П. постучался ко мнѣ въ дверь и жаловался мнѣ, что получилъ нѣлбную телеграмму отъ Тихо-мирова (бывшаго артиста Художественнаго театра), который поздравлялъ А. П. съ именинницей-женой (11 іюля—Ольга). Телеграмма была прислана изъ Пушкина и потому А. П. пришлось заплатить рубль нарочному.

Я не понималъ, что его такъ раздосадовало. Онъ даже по-требовалъ немедленно написать Вл. Ив. Немировичу-Данчен-ко, чтобы отобрали у Тихомирова все роли въ его пьесахъ.
 Когда гнѣвъ прошелъ, А. П., улыбаясь, сказалъ мнѣ: «Мнѣ не жалко рубля, но какая же Ольга именинница, когда она нѣмка».

* * *
 Покидая Любимовку, я засталъ его однажды сидящимъ въ саду на скамейкѣ недалеко отъ домовоы церкви, въ которой шло въ это время служеніе. Подъ праздникъ и рано утромъ въ праздникъ мнѣ нѣрѣдко случалось видѣть А. П., сидящимъ на этой скамейкѣ. На колокольнѣ гудѣлъ звонъ. Антонъ Павловичъ сказалъ: «Лучше и красивѣе церковнаго звона ничего нѣтъ; такъ его люблю». На мой вопросъ, чѣмъ вызвана эта любовь, А. П. отвѣтилъ: «Это все, что осталось у меня отъ моей прежней религіи». Я помню, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня эта фраза.

Вскорѣ я проводилъ его въ Бадень-Вейлеръ, а самъ ѣх-халъ въ Ессентуки.

* * *
 2-го іюля 1904 г. большой группой мы стояли у источ-ника и оживленно бесѣдовали. Въ это время ко мнѣ подошелъ телеграфистъ и подалъ телеграмму: О. Л. Книпперъ извѣщала меня о смерти Чехова.

Пораженный вѣстью, я крикнулъ о катастрофѣ всеѣмъ присутствующимъ. Наступила долгая мучительная минута, среди которой раздавались удары колокола. Звонили къ ве-чернѣ. Я вспомнилъ слова А. П. о его любви къ колоколь-ному звону, который пронесся въ тотъ моментъ тяжелымъ по-хороннымъ гуломъ по всей Россіи, извѣщая всеѣхъ о смерти нашего любимаго Антона Павловича Чехова.

В. В. Иванов

Семья Чеховыхъ и ихъ друзья.—Пикникъ на берегу реки. А. П. Чеховъ стоитъ, въ бѣлой фуф...